

Р РІ
Д 70

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Ф. М. Достоевскаго

Изданіе третье.

ТОМЪ ТРЕТІЙ

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Каванская, 33.

1888.

ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА

РОМАНЪ

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Въ первый разъ напечатаны въ журналѣ „Время“ 1861 и 1862 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введеніе.

Въ отдаленныхъ краяхъ Сибири, среди степей, горъ или непроходимыхъ лѣсовъ, попадаются изрѣдка маленькіе города, съ одной, много съ двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, съ двумя церквами — одной въ городѣ, другой на кладбищѣ, — города, похожіе болѣе на хорошее подмосковное село, чѣмъ на городъ. Они обыкновенно весьма достаточно снабжены исправниками, засѣдателями и всѣмъ остальнымъ субалтернымъ чиномъ. Вообще, въ Сибири, не смотря на холодъ, служить чрезвычайно тепло. Люди живутъ простые, нелиберальные; порядки старые, крѣпкіе, вѣками освященные. Чиновники, — по справедливости играющіе роль сибирскаго дворянства, — или туземцы, закоренѣлые сибиряки, или наѣзжіе изъ Россіи, большею частью изъ столицъ, прельщенные выдаваемымъ не въ зачетъ окладомъ жалованья, двойными прогонами и соблазнительными надеждами въ будущемъ. Изъ нихъ умѣющіе разрѣшать загадку жизни почти всегда остаются въ Сибири и съ наслажденіемъ въ ней укореняются. Впослѣдствіи они приносятъ богатые и сладкіе плоды. Но другіе, народъ легкомысленный и неумѣющій разрѣшать загадку жизни, скоро наскучаютъ Сибирью и съ тоской себя спрашиваютъ: «зачѣмъ они въ нее заѣхали?» Съ нетерпѣніемъ отбываютъ они свой законный терминъ службы, три года, и по истеченіи его тотчасъ-же хлопчутъ о своемъ переводѣ и возвращаются во-свояси, браня Сибирь и подсмѣиваясь надъ нею. Они не правы: не только съ служебной, но даже со многихъ точекъ зрѣнія въ Сибири можно блаженствовать. Климатъ превосходный; есть много замѣчательно богатыхъ и хлѣбосольныхъ купцовъ; много чрезвычайно достаточныхъ инородцевъ. Барышни

ЦВѢТУТЬ розами и нравственны до послѣдней крайности. Дичь летаетъ по улицамъ и сама натывается на охотника. Шампанскаго выпивается неестественно много. Икра удивительная. Урожай бываетъ въ иныхъ мѣстахъ самъ-пятнадцать... Вообще земля благословенная. Надобно только уметь ею пользоваться. Въ Сибири уміють ею пользоваться.

Въ одномъ изъ такихъ веселыхъ и довольныхъ собою городковъ, съ самымъ милѣйшимъ населеніемъ, воспоминаніе о которомъ останется неизгладимымъ въ моемъ сердці, встрѣтилъ я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившагося въ Россіи дворяниномъ и помѣщикомъ, потомъ сдѣлавшагося ссыльно-каторжнымъ втораго разряда, за убійство жены своей, и, по истеченіи опредѣленнаго ему закономъ десятилѣтняго термина каторги, смиренно и неслышно доживавшаго свой вѣкъ въ городнѣ К. поселенцемъ. Онъ собственно приписанъ былъ къ одной подгородной волости, но жилъ въ городѣ, имѣя возмолшость добывать въ немъ хоть какое нибудь пропитаніе обученіемъ дѣтей. Въ сибирскихъ городахъ часто встрѣчаются учителя изъ ссыльных поселенцевъ; ими не брезгають. Учатъ-же они преимущественно французскому языку, столь необходимому на попріщи жизни и о которомъ безъ нихъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири не имѣли-бы и понятія. Въ первый разъ я встрѣтилъ Александра Петровича въ домѣ одного стариннаго, заслуженнаго и хлѣбосольнаго чиновника, Ивана Иваныча Гвоздикова, у котораго было пять дочерен, разныхъ лѣтъ, подававшихъ прекрасныя наделды. Александръ Петровичъ давалъ имъ уроки, четыре раза въ недѣлю, по 30 копѣекъ серебромъ за урокъ. Наружность его меня заинтересовала. Это былъ чрезвычайно блѣдный и худой человекъ, еще не старъ, лѣта тридцати пяти, маленькій и тщедушный. Одѣтъ былъ всегда весьма чисто, по европейски. Если вы съ нимъ заговаривали, то онъ смотрѣлъ на васъ чрезвычайно пристально и внимательно, съ строгой вѣжливостью выслушивалъ каждое слово ваше, какъ будто въ него вдумываясь, какъ будто вы вопросомъ вашимъ задали ему задачу, или хотите выпытать у него какую нибудь тайну, и, наконецъ, отвѣчалъ ясно и коротко, но до того взвѣсивая каждое слово своего отвѣта, что вамъ вдругъ становилось отчего-то неловко, и вы, наконецъ, сами радовались окончанію разговора. Я тогда-же спросилъ о немъ Ивана Иваныча и узналъ, что Горянчиковъ живетъ безукоризненно и нравственно "и что иначе Иванъ Иванычъ не пригласилъ-бы его для дочерей своихъ; но что онъ страш-

нымъ немилымъ, ото всѣхъ прячется, чрезвычайно учень, много читаетъ, но говорить весьма мало и что вообще съ нимъ довольно трудно разговориться. Иные утверждали, что онъ положительно сумасшедшій, хотя и находили, что въ сущности это еще не такой важный недостатокъ; что многіе изъ почетныхъ членовъ города готовы всячески обласкать Александра Петровича, что онъ могъ-бы даже быть полезнымъ, писать просьбы и проч. Полагали, что у него должна быть порядочная родня въ Россіи, можетъ быть, даже и не послѣдніе люди, но знали, что онъ съ самою ссылки упорно пресѣкъ съ ними всякія сношенія, — однимъ словомъ, вредить себѣ. Къ тому-же у насъ всѣ знали его исторію, знали, что онъ убилъ жену свою, еще въ первый годъ своего супружества, убилъ изъ ревности и самъ донесъ на себя (что весьма облегчило его наказаніе). На такія-же преступленія всегда смотрятъ какъ на несчастія, и сожалеютъ о нихъ. Но не смотря на все это, чуждакъ упорно сторонился ото всѣхъ и являлся въ людяхъ только давать уроки.

Я сначала не обращалъ на него особеннаго вниманія, но, самъ не зная почему, онъ мало по малу началъ интересоваться мною. Въ немъ было что-то загадочное. Разговориться не было съ нимъ ни малѣйшей возможности. Конечно, на вопросы мои онъ всегда отвѣчалъ и даже съ такимъ видомъ, какъ будто считалъ это своею первѣйшею обязанностью; но послѣ его отвѣтовъ я какъ-то тяготился его долѣе спрашивать; да и на лицѣ его, послѣ такихъ разговоровъ, всегда виднѣлось какое-то страданіе и уточленіе. Помню, я шелъ съ нимъ однажды, въ одинъ прекрасный літній вечеръ, отъ Ивана Иваныча. Вдругъ мнѣ вздумалось пригласить его на минутку къ себѣ выкурить папироску. Не могу описать, какой ужасъ выразился на лицѣ его; онъ совсѣмъ потерялся, началъ бормотать какія-то безсвязныя слова и вдругъ, злобно взглянувъ на меня, бросился бѣжать въ противоположную сторону. Я даже удивился. Съ тѣхъ поръ, встречаясь со мной, онъ смотрѣлъ на меня какъ будто съ какнчь-то испугомъ. Но я не унялся; меня что-то тянуло къ нему, и, мѣсяць спустя, я, ни съ того, ни съ сего, самъ зашелъ къ Горянчикову. Разуміется, я поступилъ глупо и неделикатно. Онъ квартировалъ на самомъ краю города, у старухи міщанки, у которой была больная въ чахоткѣ дочь, а у той незаконнорожденная дочь, ребенокъ літа десяти, хорошенькая и веселенькая дѣвочка. Александръ Петровичъ сидѣлъ съ ней и училъ ее читать въ ту минуту, какъ я вошелъ къ нему. Увидя меня, онъ до того

смѣшался, какъ будто я поймалъ его на какомъ нибудь преступленіи. Онъ растерялся совершенно, вскочилъ со стула и глядѣлъ на меня во всі глаза. Мы, наконецъ, усѣлись; онъ пристально слѣдилъ за каждымъ моимъ взглядомъ, какъ будто въ каждомъ изъ нихъ подозрѣвалъ какой нибудь особенный таинственный смыслъ. Я догадался, что онъ былъ мнителенъ до сумасшествія. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на меня, чуть не спрашивая: «да скоро-ли ты уйдешь отсюда?» Я заговорилъ съ нимъ о нашемъ городнѣ, о текущихъ новостяхъ; онъ отмалчивался и злобно улыбался; оказалось, что онъ не только не зналъ самыхъ обыкновенныхъ, всѣмъ извѣстныхъ городскихъ новостей, но далее не интересовался знать ихъ. Заговорилъ я потомъ о нашемъ краѣ, о его потребностяхъ; онъ слушалъ меня молча и до того странно смотрѣлъ мнѣ въ глаза, что мнѣ стало, наконецъ, совѣстно за нашъ разговоръ. Впрочемъ, я чуть не раздражилъ его новыми книгами и журналами; они были у меня въ рукахъ, только что съ почты, и я предлагалъ ихъ ему еще неразрѣзанные. Онъ бросилъ на нихъ жадный взглядъ, но тотчасъ-же переимѣнилъ наміреніе и отклонилъ предложеніе, отзываясь недосугомъ. Наконецъ, я простился съ нимъ и, выйдя отъ него, почувствовалъ, что съ сердца моего спала какая-то несносная тяжесть. Мнѣ было стыдно и показалось чрезвычайно глупымъ приставать къ чело- віку, который именно поставляетъ своею главнѣйшею задачею — какъ молено подальше спрятаться отъ всего свѣта. Но діло было сдѣлано. Помню, что книгъ я у него почти совсѣмъ не замѣтилъ и, стало быть, несправедливо говорили о немъ, что онъ много читаетъ. Однако-же, проѣзжая раза два, очень поздно ночью, мимо его оконъ, я замѣтилъ въ нихъ свѣтъ. Что-лее дѣлалъ онъ, про- сиживая до зари? Но нисалъ-ли онъ? А если такъ, что-лее именно?

Обстоятельства удалили меня изъ нашего городка мѣсяца на три. Возвратясь домой уже зимою, я узналъ, что Александръ Петровичъ умеръ осенью, умеръ въ уединеніи и далее ни разу не позвалъ къ себѣ лекаря. Въ городкѣ о немъ уже почти позабыли. Квартира его стояла пустая. Я немедленно познакомился съ хозяйкой покойника, намереваясь вывѣдать у нея: чѣмъ особенно занимался ея жилецъ и не иисадъ-ли онъ чего нибудь? За двугривенный она принесла мнѣ цілое лукошко бумагъ, оставшихся послѣ покойника. Старуха призналась, что двѣ тетрадки она ужъ истратила. Это была угрюмая и молчаливая баба, отъ которой трудно было допытаться чего нибудь путнаго. О жильцѣ своемъ она не могла сказать мнѣ ничего особенно новаго. По ея

словамъ, онъ почти никогда ничего не дѣлалъ и по мѣсяцамъ не раскрывалъ книги и не бралъ пера въ руки; зато цѣлыя ночи прохаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ и все что-то думалъ, а иногда и говорилъ самъ съ собою; что онъ очень полюбилъ и очень ласкалъ ея внучку, Катю, особенно съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что ее зовутъ Катей, и что въ Катерининъ день календѣй разъ ходилъ по комъ-то служить панихиду. Гостей не могъ терпѣть; со двора выходилъ только учить дѣтей; косился даже на нее, старуху, когда она, разъ въ недѣлю, приходила хоть немножко прибраться въ его комнатѣ, и почти никогда не сказалъ съ нею ни одинаго слова, въ цѣлыхъ три года. Я спросилъ Капо: помнитъ-ли она своего учителя? Она посмотрѣла на меня молча, отвернулась къ стѣнкѣ и заплакала. Стало быть, могъ-же этотъ человекъ хоть когонибудь заставить любить себя.

Я унесъ его бумаги и цѣлый день перебиралъ ихъ. Три четвершъ этихъ бумагъ были пустые, незначущіе лоскутки или ученическія упражненія съ прописей. Но тутъ-яе была одна тетрадка, довольно объемистая, мелко исписанная и недокопченая. можетъ быть, заброшенная и забытая самимъ авторомъ. Это было описаніе, хотя и безсвязное, десятилѣтней каторжной жизни, вынесенной Александромъ Петровичемъ. Мѣстами это описаніе прерывалось какою-то другою повѣстью, какими-то странными, ужасными воспоминаніями, набросанными неровно, судорожно, какъ будто по какому-то нринужденію. Я нѣсколько разъ перечитывалъ эти отрывки и почти убѣдился, что они писаны въ сумасшествіи. Но каторжныя записки — «Сцены изъ Мертваго дома», — какъ называете онъ ихъ самъ гдѣ-то въ своей рукописи, показались мнѣ не совсѣмъ безъинтересными. Совершенно новый мѣръ, до сихъ поръ невідомый, странность иныхъ фактовъ, нѣкоторыя особенныя замѣтки о погибшемъ народѣ, — увлекли меня и я прочелъ кое-что съ любопытствомъ. Разуміется, я могу ошибаться. На пробу выбираю сначала двѣ — три главы; пусть судитъ публика...

I.

Мертвый домъ.

Острогъ нашъ стоялъ на краю крѣпости, у самага крѣпостнаго вала. Случалось, посмотришь сквозь щели забора на свѣтъ Божій: не увидишь-ли хоть чегонибудь? — и только и увидишь,

что краешекъ неба, да высокій земляной валъ, поросшій бурьяномъ, а взадъ и впередъ по валу, день и ночь, расхаживаютъ часовые; и тутъ-же подумаешь, что пройдутъ цѣлыя годы, а ты точно также подойдешь смотрѣть сквозь щели забора и увидишь тотъ-же валъ, такихъ-яе часовыхъ и тотъ-же маленькій краешекъ неба, не того неба, которое надъ острогомъ, а другаго, далекаго, вольнаго неба. Представьте себѣ большой дворъ, шаговъ въ двѣсти длины и шаговъ въ полтора ширины, весь обнесенный кругомъ, въ видѣ неправильнаго шестиугольника, высокимъ тыномъ, то есть заборомъ изъ высокихъ столбовъ (паль) врытыхъ стойкомъ глубоко въ землю, крѣпко прислоненныхъ другъ къ другу ребрами, скрѣпленныхъ поперечными планками и сверху заостренныхъ: вотъ наружная ограда острога. Въ одной изъ сторонъ ограды вѣданы крѣпкіе ворота, всегда запертые, всегда день и ночь охраняемые часовыми; ихъ отпирали по требованію, для выпуска па работу. За этими воротами былъ свѣтлый, вольный міръ, жили люди какъ и всѣ. Но по сю сторону ограды, о томъ мірѣ представляли себѣ, какъ о какой-то несбыточной сказкѣ. Тутъ былъ свой особый міръ, ни на что болѣе непохожій; тутъ были свои особыя законы, свои костюмы, свои нравы и обычай, и заживо-мертвый домъ, жизнь — какъ нигдѣ, и люди особенные. Вотъ этотъ-то особенный уголокъ я и принимаюсь описывать.

Какъ входите въ ограду, — видите внутри ея нѣсколько зданій. — По обѣимъ сторонамъ широкаго внутренняго двора тянутся два длинныхъ одноэтажныхъ сруба. Это казармы. Здѣсь живутъ арестанты, размѣщенные по разрядамъ. Потомъ, въ глубинѣ ограды, еще такой-же срубъ: это кухня, раздѣленная на двѣ артели; далѣе еще строеніе, гдѣ подъ одной крышей помѣщаются погреба, амбары, сараи. Средина двора пустая и составляете ровную, довольно большую площадку. Здѣсь строятся арестанты, происходитъ повѣрка и перекличка утромъ, въ полдень и вечеромъ, иногда-же и еще по нѣскольку разъ въ день, — судя по мнительности караульныхъ и ихъ умѣню скоро считать. Кругомъ, между строеніями и заборомъ, остается еще довольно большое пространство. Здѣсь, по задачамъ строеній, иные изъ заключенныхъ, понелюдиміе и помрачнѣе характеромъ, любятъ ходить въ нерабочее время, закрытые отъ всѣхъ глазъ, и думать свою думушку. Встрѣчаясь съ ними во время этихъ прогулокъ, я любилъ всматриваться въ ихъ угрюмыя, клейменыя лица и угадывать, о чемъ они думаютъ. Былъ одинъ ссыльный, у котораго любимымъ занятіемъ, въ свободное время, было считать пали. Ихъ было тысячи полторы и

у него оні были всі на счету и на приміті. Каждая паля означала у него день; каждый день онъ отсчитывалъ по одной паді и такимъ образомъ, по оставшемуся числу песосчитанныхъ палъ, могъ наглядно видіть, сколько дней еще остается ему пробыть въ острогі до срока работы. Онъ былъ искренно радъ, когда доканчивалъ какую нибудь сторону шестиугольника. Много літа приходилось еще ему долеидаться; но въ острогі было время научиться терпінію. Я виділъ разъ, какъ прощался съ товарищами одинъ арестантъ, пробывшій въ каторгі двадцать літа и, наконецъ, выходяшій на волю. Были люди, помнившіе какъ онъ вошелъ въ острогъ въ первый разъ, молодой, беззаботный, не думавшій ни о своемъ преступленіи, ни о своемъ наказаніи. Онъ выходилъ сѣдымъ старикомъ, съ лицомъ угрюмымъ и грустнымъ. Молча обошелъ онъ всі наши шесть казармъ. Входя въ каледую казарму, онъ молился на образа и потомъ низко, въ поясъ, откланивался товарищамъ, прося не поминать его лихомъ. — Помню я тоже, какъ однажды одного арестанта, преяеде зажиточнаго сибирскаго мужика, разъ подъ вечеръ, позвали къ воротамъ. Полгода передъ этимъ получилъ онъ извѣстіе, что бывшая его жена вышла замужъ, и крѣпко запечалился. Теперь она сача подѣхала къ острогу, вызвала его и подала ему подаяніе. Они поговорили минуты дві, оба всплакнули и простились на віки. Я видѣлъ его лицо, когда онъ возвращался въ казарму... Да, въ этомъ місті можно было научиться терпінію.

Когда смеркалось, насъ всіхъ вводили въ казармы, гді и запирали на всю ночь. Мні всегда было тяжело возвращаться со двора въ нашу казарму. Это была длинная, низкая и душная комната, тускло освѣщенная сальными свѣчами, съ тяжелымъ, удушающимъ запахомъ. Не понимаю теперь, какъ я выжилъ въ ней десять літа. На нарахъ у меня было три доски: это было все мое місто. На этихъ-же нарахъ размѣщалось въ одной нашей комнаті человекъ тридцать народу. Зимой запирали рано; часа четыре надо было ждть, пока всѣ засыпали. А до того — шумъ, гамъ, хохота, ругательства, звукъ цѣпей, чадъ и копотъ, бритыя головы, клейменныя лица, лоскутныя платья, все — обруганное, ошельмованное... да, живучъ человекъ! Человекъ есть существо ко всему привыкающее и, я думаю, это самое лучшее его опредѣленіе.

Помѣщалось насъ въ острогі всего человекъ двісти пятьдесятъ, — цифра почти постоянная. Одни приходили, другіе кончали сроки и уходили, третьи умирали. И какого народу тутъ

не было! Я думаю, каждая губернія, каждая полоса Россіи имѣла тутъ своихъ представителей. Были и инородцы, было нѣсколько ссыльныхъ даже изъ кавказскихъ горцевъ. Все это раздѣлялось по степени преступленій, а слѣдовательно по числу лѣтъ, опредѣленныхъ за преступленіе. Надо полагать, что не было такого преступленія, которое-бы не имѣло здѣсь своего представителя. Главное основаніе всего остроленого населенія составляли ссыльно-каторжные разряда гражданскаго (*сильно* - каторжные, какъ наивно произносили сами арестанты). Это были преступники, совершенно лишены всякихъ правъ состоянія, отрѣзанные ломти отъ общества, съ проклеяннымъ лицомъ для вѣчнаго свидѣтельства объ ихъ отверженіи. Они присылались въ работу на сроки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ и потомъ разсылались куда нибудь по сибирскимъ волостямъ въ поселенцы. — Были преступники и военнаго разряда, не лишены правъ состоянія, какъ вообще въ русскихъ военныхъ арестантскихъ ротахъ. Присылались они на короткіе сроки; по окончаніи-же ихъ поворачивались туда-же, откуда пришли, въ солдаты, въ сибирскіе линейные батальоны. Многіе изъ нихъ почти тотчасъ-же возвращались обратно въ острогъ за вторичныя важныя преступленія, но уже не на короткіе сроки, а на двадцать лѣтъ. Этотъ разрядъ назывался «всегдашнимъ». Но «всегдашніе» все еще не совершенно лишались всѣхъ правъ состоянія. Наконецъ, былъ еще одинъ особый разрядъ самыхъ страшныхъ преступниковъ, преимущественно военныхъ, довольно многочисленный. Назывался онъ «особычъ отдѣленіемъ». Со всей Руси присылались сюда преступники. Они сами считали себя вѣчными п срока работа своихъ не знали. По закону, имъ должно было удвоить и -утроить рабочіе уроки. Содержались они при острогѣ впредь до открытія въ Сибири самыхъ тяжелыхъ каторжныхъ работа. «Вамъ на срокъ, а намъ вдоль по каторгѣ» — говорили они другимъ заключеннымъ. Я слышалъ потомъ, что разрядъ этотъ уничтоженъ. Кромѣ того уничтоженъ при нашей крѣпости и гражданскій порядокъ, а заведена одна общая военно-арестантская рота. Разуміется, съ этимъ вѣсті переменялось и начальство. Я описываю, стало быть, старину, діла давно минувшія и прошедшія...

Давно ужъ это было; все это снится мнѣ теперь, какъ во снѣ. Помню, какъ я вошелъ въ острогъ. Это было вечеромъ, въ январі місяці. Уже смеркалось; народъ возвращался съ работы; готовились къ повѣркѣ. Усатый унтеръ-офицеръ отворилъ мнѣ, наконецъ, двери въ этотъ странный домъ, въ которомъ я дол-

жень былъ пробыть столько літа, вынести столько такихъ ощущений, о которыхъ, не испытавъ ихъ на самомъ ділі, я-бы не могъ имѣть далее приблизительнаго понятія. Напримѣръ, я-бы никакъ не могъ представить себѣ: что страшнаго и мучительнаго въ томъ, что я во всі десять дѣтъ моей каторги ни разу, ни одной минуты не буду одинъ? На работѣ всегда подъ конвоемъ, дома съ двумя стами товарищей и ни разу, ни разу — одинъ! Впрочемъ, къ этому-ли еще мнѣ надо было привыкать!

Были здѣсь убійцы-невзначай и убійцы по ремеслу, разбойники и атаманы разбойниковъ. Были просто мазурики и бродяги — промышленники по находнымъ деньгамъ или по столевской части. Были и такіе, про которыхъ трудно было рѣшить: за что-бы, кажется, они могли прійти сюда? — А между тѣмъ у всякаго была своя повѣсть, смутная и тягелая, какъ угаръ отъ вчерашняго хмѣля. Вообще, о быломъ своемъ они говорили чало, не любили рассказывать и видимо старались не думать о прошедшемъ. Я зналъ изъ нихъ даже убійцъ до того веселыхъ, до того никогда не задучывающихся, что молено было биться объ закладъ, что никогда совѣсть не сказала имъ никакого упрека. Но были и мрачныя лица, почти всегда молчаливыя. Вообще, лепзнь свою рѣдко кто рассказывалъ, да и любопытство было не въ модѣ, какъ-то не въ обычаѣ, не принято. Такъ развѣ изрѣдка разговорится кто ннбудь отъ бездѣля, а другой хладнокровно и мрачно слушаете. Никто здѣсь никого не могъ удивить. «Мы — народъ грамотный!» говорили они часто, съ какимъ-то страннымъ самодовольствіемъ. Помню, какъ однажды одинъ разбойникъ/, хмѣльной (въ каторгѣ иногда молено было напиться), началъ рассказывать, какъ онъ зарізаль пятилітняго мальчика, какъ онъ обманулъ его сначала игрушкой, завелъ куда-то въ пустой сарай, да тамъ и зарізаль. Вся казарма, доселѣ смѣявшаяся его шуткамъ, закричала какъ одинъ человекъ, и разбойникъ принужденъ былъ зачолчать; не отъ негодованія закричала казарма, а такъ, потому что *не надо* было *про это* говорить, потому что говорить *про это* це принято. Замічу кстаті, что этотъ народъ былъ дѣйствительно грамотный и далее не въ переносномъ, а въ буквальнономъ смыслѣ. Навѣрно боліе половины изъ нихъ уміло читать и писать. Въ какомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ русской народъ собирается въ большихъ массахъ, отдѣлите вы отъ него кучу въ 250 человекъ, изъ которыхъ половина была-бы грамотныхъ? Слышалъ я потомъ, кто-то сталъ выводить изъ подобныхъ - лее данныхъ, что грамотность губить народъ. Это

ошибка: тутъ совсімъ другія причины, хотя и нельзя не согласиться, что грамотность развиваетъ въ народі самонадіянность. Но відь это вовсе не недостатокъ. — Различались всі разряды по платью: у однихъ половина куртки была темнобурая, а другая сірая, равно и на панталонахъ одна нога сірая, а другая темнобурая. Одинъ разъ, на работі, дѣвчонка-калашница, подошедшая къ арестантамъ, долго всматривалась въ меня и потомъ вдругъ захохотала. — «Фу, какъ не славно! закричала она: — и сѣраго сукна не достало, и чернаго сукна не достро!» Были и такіе, у которыхъ вся куртка была одного сѣраго сукна, но только рукава были темнобурые. Голова тоже брилась по разному: у однихъ половина головы была выбрита вдоль черепа, у другихъ поперегъ.

Съ перваго взгляда можно было замѣтить нѣкоторую рѣзкую общность во всемъ этомъ странномъ семействѣ; даже самыя рѣзкія, самыя оригинальныя личности, царившія надъ другими невольно, и ті старались попасть въ общій тонъ всего острога. Вообще-же скажу, что весь этотъ народъ, за нѣкоторыми немногими исключеніями неистощимо-веселыхъ людей, пользовавшихся за это всеобщимъ презрѣніемъ, — былъ народъ угрюмый, завистливый, страшно тщеславный, хвастливый, обидчивый и въ высшей степени формалиста. Способность ничему не удивляться была величайшею добродѣтелью. Всі были помѣшаны на томъ: какъ наружно держать себя. Но нерѣдко самый заносчивый видъ съ быстротою молніи смѣнялся на самый малодушный. Было нѣсколько истинно-сильныхъ людей; ті были просты и не кривлялись. Но, странное дѣло! изъ этихъ настоящихъ сильныхъ людей было нѣсколько тщеславныхъ до послѣдней крайности, почти до болѣзни. Вообще тщеславіе, наружность, были на первомъ плані. Большинство было развращено и страшно исподлилось. Сплетни и пересуды были непрерывныя: это былъ адъ, тьма кромѣшная. Но противъ внутреннихъ уставовъ и принятыхъ обычаевъ острога никто не смѣлъ возставать; всі подчинялись. Бывали характеры рѣзко-выдающіеся, трудно, съ усиліемъ подчинявшіеся, но всетаки подчинявшіеся. Приходили въ острогъ такіе, которые ужь слишкомъ зарвались, слишкомъ выскочили изъ мірки на волі, такъ что ужь и преступленія свои дѣлали подъ конецъ какъ будто не сами собой, какъ будто сами не зная зачѣмъ, какъ будто въ бреду, въ чаду; часто изъ тщеславія, возбужденнаго въ высочайшей степени. Но у насъ ихъ тотчасъ осаживали, не считая на то, что, иные, до прибытія въ острогъ,

бывали ужасомъ цѣлыхъ селеній и городовъ. Оглядываясь кругомъ, новичекъ скоро замѣчалъ, что онъ не туда попалъ, что здѣсь дивить улее некого, и непримѣтно смирялся и попадалъ въ общій тонъ. Этотъ общій тонъ составлялся снаружѣ изъ какого-то особеннаго, собственнаго достоинства, которымъ были проникнуть чуть не каждый обитатель острога. Точно въ самомъ ділі званіе каторжнаго, рѣшеннаго, составляло какой нибудь чинъ, да еще и почетный. Ни признаковъ стыда и раскаянія! Впрочемъ, было и какое-то нарушеное смиреніе, такъ сказать оффиціальное, какое-то спокойное резонерство: «Мы погибшій народъ», говорили они: «не умѣль на волѣ жить, теперь ломай зеленую улицу, повѣряй ряды». — «Не слушался отца и матери, послушайся теперь барабанной шкуры». — «Не хотѣлъ шить 30 лотомъ, теперь бей камни молотомъ». — Все это говорилось часто, и въ видѣ нравоученія и въ видѣ обыкновенныхъ поговорокъ и присловій, но никогда серьезно. Все это были только слова. Врядъ-ли хоть одинъ изъ нихъ сознавался внутренно въ своей незаконности. Попробуй кто не изъ каторжныхъ упрекнуть арестанта его преступленіемъ, выбрать его (хотя, впрочемъ, не въ русскомъ духѣ попрекать преступника) — ругательствомъ не будете конца. А какіе были они всі мастера ругаться! Ругались они утонченно, художественно. Ругательство возведено было у нихъ въ науку; старались взять не столько обиднымъ словомъ, сколько обиднымъ смысломъ, духомъ, идеей, — а это утонченіе, ядовитіе. Безпрерывныя ссоры еще боліе развивали между ними эту науку. Весь этотъ народъ работаль изъ-подъ палки, слѣдственно онъ былъ праздный, слѣдственно развращался; если и не былъ преледе развращень, то въ каторгѣ развращался. Всі они собрались сюда не своей волей; всі они были другъ другу чужіе.

«Чортъ трое лаптей сноситъ, преледе чѣмъ насъ собралъ въ одну кучу!» — говорили они про себя сами; а потому сплетни, интриги, бабьи наговоры, зависть, свара, злость были всегда на первомъ планѣ въ этой кромѣшной жизни. Никакая баба не въ состояніи была быть такой бабой, какъ нѣкоторые изъ этихъ душегубцевъ. Повторяю, были и между ними люди сильные, характеры, привыкшіе всю жизнь свою ломить и повелѣвать, закаленные, безстрашные. Этихъ какъ-то невольно уважали; оппже, съ своей стороны, хотя часто и очень ревнивы были къ своей славі, но вообще старались не быть другимъ въ тягость, въ пустая ругательства не вступали, вели себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, были разсудительны и почти всегда послушны

начальству, —не изъ принципа иослушанія, не изъ сознанія обязанностей, а такъ, какъ будто по какому-то контракту, сознавъ взаимныя выгоды. Впрочемъ, съ ними и поступали осторожно. Я помню, какъ одного изъ такихъ арестантовъ, человека безстрашнаго и рѣшительнаго, извѣстнаго начальству своими звѣрскими наклонностями, за какое-то преступленіе позвали разъ къ наказанію. День былъ лѣтній, пора нерабочая. Штабъ-офцеръ, ближайшій и непосредственный начальникъ острога, прііхаль самъ въ кордегардію, которая была у самыхъ нашихъ воротъ, присутствовать при наказаніи. Этотъ маіоръ былъ какое-то фатальное существо для арестантовъ; онъ довелъ ихъ до того, что они его трепетали. Былъ онъ до безумія строгъ, «бросался на людей», какъ говорили каторжные. Всего боліе страшились они въ немъ его пронизательнаго, рысьяго взгляда, отъ котораго нельзя было ничего утаить. Онъ видѣлъ какъ-то не глядя. Входя въ острогъ, онъ уже зналъ, что дѣлается на другомъ концѣ его. Арестанты звали его восьмиглазымъ. Его система была ложная. Онъ только озлоблялъ уже озлобленныхъ людей своими бѣшенными, злыми поступками, и если-бъ не было надъ нимъ коменданта, человека благороднаго и разсудительнаго, умірявшаго иногда его дикія выходки, то онъ-бы надѣлалъ большихъ бѣдъ своимъ управленіемъ. Не понимаю, какъ могъ онъ кончить благополучно; онъ вышелъ въ отставку живъ и здоровъ, хотя, впрочемъ, и былъ отданъ подъ судъ.

Арестанта поблѣднѣлъ, когда его кликнули. Обыкновенно онъ молча и рѣшительно ложился подъ розги, молча терпѣлъ наказаніе и вставалъ послѣ наказанія, какъ встрепанный, хладнокровно и философски смотря на приключившуюся неудачу. Съ нимъ, впрочемъ, поступали всегда осторолено. Но на этотъ разъ онъ считалъ себя почему-то правымъ. Онъ поблѣднѣлъ и, тихонько отъ конвоя, успѣлъ сунуть въ рукавъ острый, англійскій сапожный ножъ. Ножи и всякіе острые инструменты страшно запрещались въ острогѣ. Обыски были частые, неожиданные и нешуточные, наказанія жестокія; но такъ какъ трудно отыскать у вора, когда тотъ рѣшится что нибудь особенно спрятать, и такъ какъ ножи и инструменты были всегдашнею необходимостью въ острогѣ, то, не смотря на обыски, они не переводились. А если и отбирались, то немедленно заводились новые. Вся каторга бросилась къ забору и съ замираніемъ сердца смотрѣла сквозь щели палъ. Всі знали, что Петровъ въ этотъ разъ не захочетъ лечь подъ розги и что маіору пришелъ конецъ. Но въ самую

рѣшительную минуту нашъ маіоръ сілъ на дролеки и уіхаль, поручивъ исполненіе экзекуці другому офицеру. «Самъ Богъ спасъ!» говорили потомъ арестанты. Что-же касается до Петрова, онъ преспокойно вытерпѣлъ наказаніе. Его гнівъ прошелъ съ отъѣздомъ маіора. Арестанта послушенъ и покоренъ до известной степени; но есть крайность, которую не надо переходить. Кстати: ничего не можетъ быть любопытнѣе этихъ страшныхъ вспышекъ нетерпінія и строптивости. Часто человекъ терпитъ нѣсколько літа, смиряется, выноситъ жесточайшія наказанія и вдругъ прорывается на какойнибудь малости, на какомънибудь пустякѣ, почти за ничто. На иной взглядъ моею далее назвать его сумасшедшимъ; да такъ и дѣлають.

Я сказалъ уже, что въ продолженіи нѣсколькихъ літа я не видалъ между этими людьми ни малѣйшаго признака раскаянія, ни малѣйшей тягостной думы о своемъ преступленіи, и что большая часть изъ нихъ, внутренно, считаетъ себя совершенно правыми. Это факта. Конечно, тщеславіе, дурные причіры, молодечество, ложный стыдъ во многомъ тому причиною. Съ другой стороны, кто молеетъ сказать, что выслѣдилъ глубину этихъ погибшихъ сердець и прочелъ въ нихъ сокровенное отъ всего свѣта? Но відь можно-же было, во столько літа, хоть чтонибудь замѣтить, поймать, уловить въ этихъ сердцахъ хоть какуюнибудь черту, которая-бы свидѣтельствовала о внутренней тоскѣ, о страданіи. Но этого не было, положительно не было. Да, преступленіе, кажется, не моеетъ быть осмыслено съ данныхъ, готовыхъ точекъ зрѣнія, и философія его нѣсколько потруднѣе, чѣмъ полагають. Конечно, остроги и система насильныхъ работа не исправляють преступниковъ; они только его наказывають и обезпечивають общество отъ дальнѣйшихъ покушеній злодія на его спокойствіе. Въ преступникѣ-лече острогъ и самая усиленная каторженная работа развивають только ненависть, леаледу запрещенныхъ наслаяденій и страшное легкомысліе. Но я твердо увѣренъ, что и знаменитая келейная система достигаете только ложной, обманчивой, наружной ціли. Она высасываеете жизненный сокъ изъ человека, энервируетъ его душу, ослабляетъ ее, пугаетъ ее и потомъ нравственно изсохшую мумію, полусумасшедшаго представляеть какъ образецъ исправленія и раскаянія. Конечно, преступникъ, возставшій на общество, ненавидить его и почти всегда считаетъ себя правымъ, а его виноватымъ. Къ тому-яе онъ уже потерпѣлъ отъ него наказаніе, а чрезъ это почти считаетъ себя очищеннымъ, сквитавшимся. Моею судить, наконецъ, съ

такихъ точекъ зрѣнія, что чуть-ли не придется оправдать самаго преступника. Но не смотря на **всезможныя** точки зрѣнія, всякій **согласится**, что есть **такія** преступленія, **которыя** всегда и вездѣ, по **всезможнымъ** законамъ, съ начала міра считаются **безспорными преступленіями** и будутъ считаться такими до **тѣхъ** поръ, пока **человѣкъ** останется **человѣкомъ**. Только въ острогѣ я слышалъ рассказы о самыхъ страшныхъ, о самыхъ неестественныхъ поступкахъ, о самыхъ чудовищныхъ **убійствахъ**. рассказанные съ самымъ неудержимымъ, съ самымъ дѣтски-веселымъ **смѣхомъ**. Особенно не выходитъ у меня изъ памяти **одинъ** отцеубійца. Онъ былъ изъ дворянъ, **служилъ** и былъ у своего шестидесятилѣтняго отца чѣмъ-то въ родѣ блуднаго сына. **Поведенія** онъ былъ совершенно безпутнаго, ввязался въ долги. **Отецъ** ограничивали его, **уговаривалъ**; но у отца былъ домъ, **былъ** хуторъ, подозривались деньги, и—**сынъ** убилъ его, жалея **наслѣдства**. **Преступленіе** было **розыскано** только черезъ мѣсяць. Самъ **убійца** подалі **объявленіе** въ полицію, что отецъ его **исчезъ** неизвѣстно куда. Весь этотъ мѣсяць онъ **провелъ** самымъ **развратнымъ** образомъ. Наконецъ, въ его отсутствіе, полиція нашла тѣло. На дворѣ, во всю длину его, шла канавка для стока **нечистотъ**, прикрытая досками. Тѣло лежало въ этой канавкѣ. Оно было одѣто и убрано, сѣдая голова была отрезана прочь, приставлена къ туловищу, а подъ голову убійца подложилъ подушку. Онъ не сознался; былъ **лишенъ** дворянства, чина и **сосланъ** въ работу на двадцать лѣтъ. Все время, какъ я **жилъ** съ нимъ, онъ былъ въ **превосходнѣйшемъ**, въ **веселѣйшемъ** **расположеніи** духа. Это былъ **взбалмошный**, **легкомысленный**, **неразсудительный** въ высшей степени **человѣкъ**, хотя совсѣмъ не **глупецъ**. Я никогда не замечалъ въ немъ какой нибудь особенной **жестокости**. Арестанты презирали его, не за **преступленіе**, о которомъ не было и помину, а за дурь, за то, что не умѣлъ вести себя. Въ разговорахъ онъ иногда вспоминалъ, о своемъ отцѣ. Разъ, говоря со мной о здоровомъ **сложеніи**, **наслѣдственномъ** въ ихъ семействѣ, онъ **прибавилъ**: «вотъ, *родитель мой*, такъ тотъ до самой кончины своей не леаловался ни на какую **болѣзнь**». Такая **звѣрская** безчувственность, **разумѣется**, **невозможна**. Это феномень; тутъ какой нибудь **недостатокъ** **сложенія**, какое нибудь **тілесное** и **нравственное** уродство, еще неизвѣстное наукѣ, а не простое преступленіе. Разуміетея, я не **вѣрилъ** этому **преступленію**. Но люди изъ его города, которые должны были знать всѣ подробности его

исторіи, розказывали мні все его діло. Факты были до того ясны, что невозмолено было не вірить.

Арестанты слышали, какъ онъ кричалъ однажды ночью во сні: «Держи его, держи! Голову-то ему руби, голову, голову»!..

Арестанты почти всі говорили ночью и бредили. Ругательства, воровскія слова, ножи, топоры, чаще всего приходили имъ въ бреду на языкъ. «Мы народъ битый, говорили они; — у насъ путо отбитое, оттого и кричимъ по ночамъ».

Казенная каторжная крѣпостная работа была не занятіемъ, а обязанностью: арестантъ отработывалъ свой урокъ или отбывалъ законные часы работы и шелъ въ острогъ. На работу смотрѣли съ ненавистью. Безъ своего особаго, собственнаго занятія, которому-бы онъ преданъ былъ всімъ умомъ, всімъ расчетомъ своимъ, человекъ въ острогѣ не могъ-бы жить. Да и какимъ способомъ весь этотъ народъ, развитой, сильно полеившій и желавшій жить, насильно сведенный сюда въ одну кучу, насильно оторванный отъ общества и отъ нормальной яеизни, могъ-бы уяеиться здісь нормально и правильно, своей волей и охотой! Отъ одной праздности здісь развились-бы въ немъ такія преступныя свойства, о которыхъ онъ преледе не имѣлъ и понятія. Безъ труда и безъ законной, нормальной собственности, человекъ не мояетъ жить, развращается, обращается въ звіря. И потому каледый въ острогѣ, вслѣдствіе естественной потребности и какого-то чувства самосохраненія, имѣлъ свое мастерство и занятіе. Длинный літній день почти весь наполнялся казенной работой; въ короткую ночь едва было время выпастся. Но зимой арестантъ, по положенію, какъ только смеркалось, улее доллеень быть заперта въ острогѣ. Что-яе дѣлать въ длинные, скучные часы зимняго вечера? И потому, почти каждая казарма, не смотря на запретъ, обращалась въ огромную мастерскую. Собственно трудъ, занятіе не запрещались; но строго запрещалось имѣть при себѣ, въ острогѣ, инструменты, а безъ этого невозможна была и работа. Но работали тихонько и, каяется, начальство въ иныхъ случаяхъ смотріло на это не очень пристально. Многіе изъ арестантовъ приходили въ острогъ ничего не зная, но учились у другихъ и потомъ выходили на волю хорошими мастеровыми. Тутъ были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесаря, и рѣзчики, и золотильщики. Былъ одинъ еврей, Исай Бумштейнъ, ювелиръ, онъ-же и ростовщикъ. Всі они трудились и добывали копійку. Заказы работа добывались изъ города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенаго совершен-

но свободы, оні дороже вдсятеро. Если оні только брякають у него въ кармані, онъ уже въ половину утішенъ, хотя-бы и не могъ ихъ тратить. Но деньги всегда и везді можно тратить тѣмъ боліе, что запрещенный плодъ вдвое слаще. А въ каторгі можно было даже имѣть и вино. Трубки были стролейше запрещены, но всі ихъ курили. Деньги и табакъ спасали отъ цынготной и другихъ болѣзней. Работа-лее спасала отъ преступленій; без/, работы арестанты поѣли-бы другъ друга, какъ пауки въ стеклянкі. Не смотря на то и работа, и деньги запрещались. Нерідко по ночамъ ділались внезапные обыски. отбиралось все запрещенное и — какъ ни прятались деньги, а всетаки иногда попадались сыщикамъ. Вотъ отчасти почему они и не береглись, а въ скорости пропивались; вотъ почему заводилось въ острогі и вино. Послі каждаго обыска, виноватый, кромі того, что лишался всего своего состоянія, бывалъ обыкновенно болѣно наказанъ. Но, ПОСЛЕ каждаго обыска, тотчасъ лее пополнялись недостатки, немедленно заводились новыя вещи и все шло по старому. И начальство знало объ этомъ, и арестанты не роптали на наказанія, хотя такая жизнь похояеа была на жизнь поселившихся на горі Везувіі.

Кто не имѣлъ мастерства, промышлялъ другимъ образомъ. Были способы довольно оригинальные. Иные промышляли, на-примѣръ, однимъ перекупствомъ, а продавались иногда такія вещи, что и в/, голову не могло-бы придти кочу нибудь за стінами острога, не только покупать и продавать ихъ, но далее считать вещами. Но каторга была очень бідна и чрезвычайно промышленна. Последняя тряпка была въ цѣні и шла въ какое нибудь діло. По бідности-лее и деньги въ острогі имѣли совершенно другую цѣну, чѣмъ на волі. За большой п слоеный трудъ платилось грошами. Нѣкоторые съ усніхомъ промышляли ростовщичествомъ. Арестантъ, замотавшійся или раззорившійся, несъ послѣднія свои вещи ростовщику и получалъ отъ него нѣсколько мідныхъ денегъ, за ужасные проценты. Если онъ не выкупалъ эти вещи въ срокъ, то оні безотлагательно и безжалостно продавались; ростовщичество до того процвітало, что принимались подъ закладъ далее казенныя смотровыя вещи, какъ-то: казенное бѣлье, сапожный товаръ и проч., — вещи, необходимыя всякому арестанту во всякій момента. Но при такихъ закладахъ случался и другой оборотъ діла, не совсімъ впрочемъ неожиданный: заложившій и получившій деньги, немедленно, безъ дальнѣшхъ разговоровъ, шелъ къ старшему унтеръ-офицеру, ближай-

шему начальнику острога, доносилъ о закладѣ смотровыхъ вещей и онѣ тотчасъ-же отбирались у ростовщика обратно, далее безъ доклада высшему начальству. Любопытно, что при этомъ иногда далее не было и ссоры: ростовщикъ молча и угрюмо возвращал/, что слѣдова. ио и даже какъ будто сачъ олеидаль, что такъ будетъ. Моеетъ быть, онъ не могъ но сознаться въ себѣ, что на мѣстѣ закладчика и онъ-бы такъ сдѣлалъ. И потому, если ругался иногда потомъ, то безъ всякой злобы, а такъ только, для очистки совѣсти.

Вообще, всѣ воровали другъ у друга ужасно. Почти у каждаго былъ свой сундукъ, съ замкомъ, для храненія казенныхъ вещей. Это позволялось; но сундуки не спасати. Я думаю, можно представить, какіе были /амъ искусные воры. У меня одинъ арестантъ, искренно преданный мнѣ человекъ (говорю это безъ всякой натяжки). укралъ библію, единственную книгу, которую позволялось нмѣть въ каторгѣ; онъ въ тотъ-лѣе день мнѣ самъ сознался въ этомъ, не отъ раскаянія, но жалѣя меня, потому что я ее долго искалъ. Были цѣловальники, торговавшіе виномъ и быстро обогащавшіеся. Объ этой продажѣ я скажу когда нибудь особенно; она довольно замѣчательна. В/, острогѣ было много пришедшихъ за контрабанду, и потом) нечего удивляться, какимъ образомъ, при такихъ/, осмограхъ и конвояхъ, въ острогъ проносилось вино. Кстати: контрабанда, по характеру своему, какое-то особенное преступленіе. Можно-ли, на примѣръ, представить себѣ, что деньги, выгода, у инаго контрабандиста играют/, только второстепенную роль, стоятъ на второмъ планѣ? А меледу тѣмъ бываетъ именно такъ. Контрабандистъ работаетъ по страсти, по призванію. Это отчасти поэте. Онъ рискуете всѣмъ, идетъ на страшную опасность, хитритъ, изобрѣтаетъ, выпутывается; иногда далее дѣйствуетъ по какому-то вдовновенію. Это страсть столь-лѣе сильная, какъ и картеленая игра. Я зпалъ въ острогѣ одного арестанта, наружностью размѣра колоссальнаго, но до /ого кроткаго, тихаго, смиреннаго, что нельзя было представить себѣ, какимъ/, образочъ онъ очутился въ острогѣ. Онъ былъ до того незлобивъ и уживчивъ, что во все время своего пребыванія въ острогѣ ни съ кимъ не поссорился. Но онъ былъ съ западной границы, пришелъ за контрабанду, н, разумѣется, не могъ утерпѣть п пустился проносить вино. Сколько разъ его за это наказывали и какъ онъ боялся розогъ! Да и самый проносъ вина доставлялъ ему самые ничтожные доходы. Отъ вина обогащался только одинъ антрепренеръ. Чудакъ любилъ искусство для искус-

ства. Онъ былъ **плаксивъ какъ** баба, и сколько разъ, бывало, послѣ наказанія, клялся и зарекался не носить контрабанды. Съ мужествомъ онъ преодолевалъ себя иногда по цілому мѣсяцу, но, наконецъ, все-таки не выдерживалъ... Благодаря этимъ-то личностямъ, вино не **оскудѣвало** въ острогѣ...

Наконецъ, былъ еще одинъ доходъ, хотя не обогащавшій арестантовъ, но постоянный и **благодѣтельный**. Это **подаяніе**. Высшій **классъ** нашего общества не имѣетъ **понятія**, какъ заботятся о «**несчастныхъ**», купцы, мішане и весь народъ нашъ. **Подаяніе** бываете почти **безпрерывное** и почти всегда хлѣбомъ, сайками и калачами, гораздо рѣе деньгами. Безъ этихъ **подаяній**, во многихъ мѣстахъ арестантамъ, особенно **подсудимымъ**, которые содержатся гораздо строже **рѣшонныхъ**, было-бы слишкомъ трудно. **Подаяніе** религіозно дѣлится арестантами поровну. Если **недостанетъ** на всѣхъ, то калачи разрезаются поровну, иногда даже на шесть частей, и **калѣдѣй** заключенный непременно получаетъ себѣ свой кусокъ. Помню, какъ я, въ первый разъ, **получилъ** денежное **подаяніе**. Это было скоро по прибыли моемъ въ острогъ. Я возвращался съ утренней работы одинъ, съ конвойнымъ. На встрѣчу мнѣ прошли мать и дочь, дѣвочка літа десяти, хорошенькая **какъ** ангельчикъ. Я уже **видѣлъ** ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Ея **муяеъ**, молодой солдата, былъ **подъ** судомъ и умеръ въ **госпиталѣ**, въ арестантской палатѣ, въ то время, когда и я тамъ **лежалъ** больной. Жена и дочь приходили къ нему **прощаться**; обѣ ужасно плакали. Увидя меня, дѣвочка **закраснѣлась**, **пошептала** что-то матери; та **тотчаеъ-яеъ** **остановилась**, **отыскала** въ узелкѣ **четверть** копѣйки и дала ее **дѣвочкѣ**. Та **бросилась** **біжать** за мной... — На, «**несчастный**», возьми Христа ради, **копѣечку!** — кричала она, **забѣгая** **впередъ** меня и **суя** мнѣ въ руки **монетку**. Я **взялъ** ея **копѣечку**, и дѣвочка **возвратилась** къ матери совершенно **довольная**. Эту **копѣечку** я долго **берегъ** у себя.

II.

Первыя впечатлѣнія.

Первый мѣсяць и вообще начало моей **острожной** жизни **лево** представляются теперь моему **воображенію**. **Послѣдующіе** мои **острожные** годы **мелькаютъ** въ **воспоминаніи** моемъ гораздо **тусклѣе**. Иные какъ будто **совсѣмъ** **стусшевались**, **слились** между со-

бою, оставивъ по себѣ одно цѣльное впечатлѣніе тяжелое, однообразное, удушающее.

Но все, что я выжилъ въ первые дни моей каторги, представляется мнѣ теперь какъ будто вчера случившимся. Да такъ и должно быть.

Помню ясно, что съ перваго шагу въ этой жизни поразило меня то, что я какъ будто и не нашелъ въ ней ничего особенно поражающаго, необыкновеннаго или, лучше сказать, неожиданнаго. Все это какъ будто и преледе мелькало передо мною въ воображеніи, когда я, идя въ Сибирь, старался угадать вперед, мою долю. Но скоро бездна самыхъ странныхъ неожиданностей, самыхъ чудовищныхъ фактовъ начала останавливать меня почти на каждомъ шагу. И уже только впоследствии, уже довольно долго проживъ въ острогѣ, осмыслилъ я вполнѣ всю исключительность, всю неожиданность такого существованія, и все болѣе и болѣе дивился на него. Признаюсь, что это удивленіе сопровождало меня во весь долгій срокъ моей каторги; я никогда не могъ примириться съ нею.

Первое впечатлѣніе мое, при поступленіи въ острогъ, вообще было самое отвратительное; но не смотря на то, — странное дѣло, — мнѣ показалось, что въ острогѣ гораздо легче жить, чѣмъ я воображалъ себѣ дорогой. Арестанты, хоть и въ кандалахъ, ходили свободно по всему острогу, ругались, пѣли пѣсни, работали на себя, курили трубки, далее пили вино, (хотя очень немногіе), а по ночамъ иные заводили карты. Самая работа, напимѣръ, показалась мнѣ вовсе не такъ тяжелою. *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы — не столько въ трудности и непрерывности ея, сколько въ томъ, что она *принужденная*, обязательная, *пзъ-подъ* палки. Мужикъ на волѣ работаетъ, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночамъ, особенно лѣтомъ; но онъ работаете на себя, работаетъ съ разумною цѣлью, и ему несравненно легче, чѣмъ каторжному, на вынужденной и совершенно для него бесполезной работѣ. Мнѣ пришло разъ на мысль, что если-бъ захотѣли вполнѣ раздавить, уничтожить человека, наказать его самымъ ужаснымъ наказаніемъ, такъ что самый страшный убійца содрогнулся-бы отъ этого наказанія и пугался его зараніе, то стоило-бы только придать работѣ характеръ совершенной, полнѣйшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжнаго, то сама въ себѣ, какъ работа, она разумна: арестантъ дѣлаетъ крѣпичъ.

копаетъ землю, штукатурить, строить; ВЪ работі этой есть смыслъ и цѣль. Каторжный работникъ иногда даже увлекается ею, хочетъ сработать ее ловче, спорѣе, лучше. Но если-бъ заставить его, на примѣръ, переливать воду изъ одного ушата въ другой, а изъ другаго въ первый, толочь песокъ, перетаскивать кучу земли съ 'одного мѣста на другое и обратно,— я думаю, арестантъ удавился-бы черезъ нѣсколько дней или надѣлалъ-бы тысячу преступленій, чтобъ хоть умереть, да ВЫЙТИ изъ такого униженія, стыда и муки. Разумѣется, такое наказаніе обратилось-бы въ пытку, въ мщеніе, и было-бы бессмысленно, потому что не достигало-бы никакой разумной цѣли. Но такъ какъ часть такой пытки, бессмыслицы, униженія и стыда есть непремѣнно и во всякой вынужденной работі, то и каторжная работа несравненно мучительнѣе всякой вольной, и ченно тѣмъ, что вынужденная.

Впрочемъ, я поступилъ въ острогъ зимою, въ декабрѣ мѣсяцѣ, и еще не ичѣлъ понятія о лѣтней работі, впятеро тяжелѣйшей. Зимою-яе въ нашей крѣпости казенныхъ работъ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртышъ ломать старыя казенныя барки, работали по мастерскимъ, разгребали у казенныхъ зданій снѣгъ, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастръ и проч. и проч. Зимній день былъ коротокъ; работа кончалась скоро и весь нашъ людъ возвращался въ острогъ рано, гдѣ ему почти-бы нечего было дѣлать, если-бъ не случалось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, моеетъ быть, только треть арестантовъ; остальные-лее били баклуши, слонялись безъ нужды по всѣмъ казармамъ острога, ругались, заводили межъ собой интриги, исторіи, напивались, если наворачивались хоть какія-нибудь деньги; по ночамъ проигрывали въ карты послѣднюю рубашку, и все это отъ тоски, отъ праздности, отъ нечего дѣлать. Впослѣдствіи я ионялъ, что кромѣ лишенія свободы, кромѣ вынужденной работы, въ каторжной жизни есть еще одна мука, чуть-ли не сильнѣйшая, чѣмъ всѣ другія. Это вынужденное общее сожителство. Общее сожителство, конечно, есть и въ другихъ мѣстахъ, но в/, острогъ-то приходятъ такіе люди, что не всякому хотѣлось-бы сживаться съ ними, и я увѣренъ, что всякій каторжный чувствовалъ эту муку, хотя, конечно, большею частью бессознательно.

Такъ лее и пища показала мнѣ довольно достаточною. Арестанты увѣряли, что такой нѣтъ въ арестантскихъ ротахъ Европейской Россіи. Объ этомъ я не берусь судить: я тамъ не былъ. Къ тому-же чногіе имѣли возможность имѣть собственную пищу.